
Ненужная жена Красного дракона.
Мачеха наследников

**Юлий Люцифер**

# Ненужная жена красного дракона. Мачеха наследников

*https://litres.ru/74805523*

## Аннотация

Меня выдали за красного дракона не ради любви.

Князю Радомиру Веренскому нужна была не жена, а живая печать: последняя наследница рода Острожских, способная удержать опасное пламя его детей.

В день свадьбы он сказал спокойно и жестоко: я получу его имя, комнаты и защиту. Но не его сердце. И не право называться матерью его наследников.

Я собиралась выдержать этот брак, спасти свой род и не просить у дракона ничего лишнего.

Но в красном замке все оказалось страшнее, чем холодный муж.

Маленькая Милада почти не говорит и рисует смерть матери. Тихомир ненавидит меня, потому что боится снова потерять семью. А кто-то в этом доме медленно губит их магию и хочет, чтобы я ушла раньше, чем узнаю правду.

Их мать погибла не случайно. Детей готовят к древнему ритуалу. А человек с черным перстнем уже слишком близко.

Теперь я должна решить: остаться ненужной женой по договору или стать той, кто защитит наследников красного дракона.

Даже если сам дракон поймет слишком поздно, что чужая женщина стала единственной, кому его дети поверили.

# Содержание

Пролог. Жена по договору 5
Глава 1. Чужая в красном замке 17
Глава 2. Наследники не просят помощи 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

# Пролог. Жена по договору

Меня привезли в замок Веренских перед закатом.

Не как невесту.

Как долг, который наконец-то потребовали оплатить.

Карета остановилась у высоких ворот, и я несколько мгновений не двигалась. Смотрела на красный камень стен, на черные зубцы башен, на стражу в темных плащах с огненной вышивкой у плеча. Здесь все было чужим. Даже воздух казался другим — горячим, сухим, пропитанным золой и железом.

Один из стражников открыл дверцу.

— Госпожа Острожская.

Пока еще Острожская.

Я положила ладонь на край сиденья, поднялась и вышла сама, не дожидаясь поданной руки. Платье цвета темного вина легло тяжелыми складками, дорожная пыль осела по подолу. Мне следовало бы выглядеть торжественно. Невесты князей, наверное, должны сиять, краснеть, опускать глаза.

Я не сияла.

Я считала ступени до ворот и напоминала себе, зачем приехала.

Древний договор. Долги рода. Болезнь наследников. Последняя женщина из рода Острожских, способная удержать пламя красных драконов.

И князь, которому нужна была не жена, а печать из живой крови.

Во дворе меня встретили молча. Слуги стояли ровными рядами, но ни один не поклонился ниже положенного. Вежливость без тепла. Почтение без принятия. Я знала этот взгляд. Так смотрят на вещь, которую принесли в дом по необходимости, но не рады видеть на видном месте.

У широких ступеней замка стоял он.

Радомир Веренский.

Красный дракон. Князь Огненного Круга. Вдовец.

Мой будущий муж.

Высокий, темноволосый, в черном камзоле с темно-красной вышивкой у воротника. Без лишних украшений, без улыбки, без попытки сделать происходящее похожим на свадьбу. Его лицо было спокойным, но в этом спокойствии чувствовалась привычка приказывать. Не просить. Не объяснять. Решать — и ждать, что другие подчинятся.

Я остановилась внизу лестницы.

Он спустился ко мне на три ступени. Не больше. Этого хватило, чтобы все вокруг поняли: он соблюдает приличия, но не делает ни шага сверх нужного.

— Ясения Острожская, — произнес он.

Голос низкий. Ровный. Без интереса и без презрения. Так можно было назвать имя человека, внесенного в договор.

— Князь Веренский, — ответила я и сделала короткий поклон.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на руках. На левой ладони, где тонкой бледной линией проступал знак рода Острожских. Родовая печать не горела уже много лет. До сегодняшнего дня.

— Дорога была тяжелой?

— Достаточно долгой, чтобы привыкнуть к мысли о замужестве.

Впервые что-то изменилось в его глазах. Не улыбка. Скорее отметка: услышал.

— Тогда не будем заставлять вас ждать.

Ни слова о том, что он рад.

Ни слова о том, что сожалеет.

Только сухая необходимость, такая же холодная, как камень под моими ногами.

Меня провели в Зал Первого Пламени.

Он находился в сердце замка. Высокий, круглый, с темным полом, в котором были выложены знаки крови и огня. На стенах горели чаши с ровным красным пламенем. Не желтым, не живым, как обычный огонь, а густым, почти тяжелым. Он не трещал и не метался. Он смотрел.

В центре зала стояла каменная чаша. Рядом — старший жрец, советники, несколько женщин в темных платьях и двое детей у дальней колонны.

Я увидела их сразу.

Мальчик лет десяти стоял прямо, слишком прямо для ребенка. Темные волосы, острый взгляд, сжатые губы. Весь в

черном, с маленьким знаком Веренских на груди. Он смотрел на меня так, будто я уже совершила против него преступление.

Девочка рядом была младше. Лет шести. Светлые локоны, красное платье, худые пальцы, стиснутые на ленте. Она не поднимала глаз. Только прижалась плечом к колонне, будто камень мог защитить ее лучше взрослых.

Наследники.

Тихомир и Милада.

Дети Радомира.

Причина, по которой меня купили старым договором.

Я не успела рассмотреть их дольше. Между нами встала женщина в платье цвета темной меди. Красивая, светлая, безупречно спокойная. Она посмотрела на меня с мягкой улыбкой, от которой стало холоднее.

— Клариса Рогнедина, — представилась она. — Мы рады, что вы добрались благополучно.

«Мы рады».

Ложь прозвучала безупречно.

— Благодарю, — сказала я.

Клариса чуть повернула голову к детям.

— Наследникам сегодня тяжело. Прошу вас помнить об этом.

Смысл был ясен: не подходить, не говорить, не трогать.

Я и не собиралась.

Любовь не выдают вместе с брачным венцом. Особенно

детям, которые уже потеряли мать.

Жрец поднял руки.

— Кровь Острожских пришла к пламени Веренских. Договор, заключенный до рождения ныне живущих, требует исполнения.

В зале стало тише.

Радомир встал напротив меня у каменной чаши. Между нами горел огонь. Красный, ровный, внимательный.

— Ясения Острожская, — сказал жрец, — добровольно ли вы принимаете брачную печать князя Радомира Веренского?

Добровольно.

Слово было красивым. Только за ним стояли долги, пустой дом, больной отец и род, от которого осталась одна я.

Я подняла глаза на Радомира.

Он не отвел взгляд. Не притворился, что не понимает. Это было хуже и честнее любой жалости.

— Принимаю, — произнесла я.

Мой голос не дрогнул.

Жрец повернулся к нему.

— Радомир Веренский, добровольно ли вы принимаете брачную печать Ясении Острожской?

— Принимаю, — ответил он сразу.

Для него это тоже был не выбор сердца.

Это был долг.

Жрец взял тонкий нож с рукоятью из красного камня.

Сначала подошел ко мне. Я протянула ладонь. Лезвие коснулось кожи коротко и точно. Боль была резкой, но быстрой. На линии рода выступила кровь.

Потом нож перешел к Радомиру.

Он даже не поморщился, когда жрец рассек его ладонь.

Нашу кровь смешали в чаше.

Огонь поднялся.

Не вспыхнул — рванул вверх, будто его долго держали взаперти. Красное пламя ударило почти до свода зала, и люди отступили. Кто-то ахнул. Клариса побледнела, но быстро спрятала лицо за маской спокойствия.

Я не успела испугаться.

Пламя согнулось и потянулось ко мне.

Тепло ударило в грудь, в горло, в ладони. Родовая печать на моей коже загорелась тонкими линиями. Не огнем. Светом. Старым, забытым, почти болезненным.

Радомир резко шагнул ближе.

— Что происходит? — спросил он у жреца.

Тот смотрел на чашу так, будто видел ее впервые.

— Пламя приняло кровь Острожских сильнее, чем ожидалось.

— Сильнее? — голос Радомира стал ниже.

Жрец сглотнул.

— Печать не просто заключает брак. Она отвечает на повреждение родовой защиты.

Я услышала за спиной тихий звук.

Девочка.

Милада.

Она зажала рот ладонью, но я успела заметить: вокруг ее тонкого запястья на миг вспыхнула темная полоса. Как след браслета. Или ожога.

Тихомир тут же заслонил сестру собой.

Я посмотрела на Радомира.

Он тоже видел.

Впервые за все время на его лице появилась не холодность. Тревога. Быстрая, жесткая, почти сразу спрятанная.

Пламя между нами опустилось. Разделилось на две тонкие нити и обвило наши запястья. Мою руку и руку Радомира. Кожа обожгла болью, но я не отдернула ладонь.

Жрец произнес слова клятвы. Я повторила. Радомир повторил за мной.

Каждое слово ложилось на кожу тяжестью.

Жена.

Княгиня.

Печать.

Защита.

Род.

Но ни разу — любовь.

Когда обряд закончился, зал выдохнул. Люди зашевелились, зазвучали осторожные поздравления. Слуги принесли кубки. Кто-то заговорил о праздничном ужине.

Я стояла рядом с Радомиром и чувствовала на запястье

теплый след его крови.

Он наклонился ко мне.

— Вам нехорошо?

Странный вопрос. Почти забота. Но сказан так ровно, что я не обманулась.

— Я выдержу.

— В этом доме вам придется выдерживать многое.

— Меня предупредили.

— Не обо всем.

Я посмотрела на него прямо.

— Тогда предупредите сейчас.

Несколько мгновений он молчал. Потом протянул мне руку — не нежно, а официально, как требовал обычай. Я вложила пальцы в его ладонь, и он вывел меня из зала.

Мы прошли по длинному коридору. За нами остались гости, красное пламя, детские взгляды и перешептывания. В замке было много света, но теплее от него не становилось.

Радомир остановился у тяжелой двери.

— Ваши покои.

Двое слуг распахнули створки. Комната оказалась большой, красивой, с высоким окном, темной мебелью и камином. Все было подготовлено. Все было правильно. И от этого особенно ясно чувствовалось: меня ждали как вещь, для которой заранее выбрали место.

Я вошла. Радомир последовал за мной, но остановился у порога, не переступив дальше.

— С этого дня вы носите мое имя, — сказал он. — Получите защиту, содержание, положение в доме. Никто не посмеет оскорбить вас открыто.

Открыто.

Хорошее уточнение.

— А скрыто? — спросила я.

— Скрыто люди всегда делают то, что считают возможным.

— Даже в доме красного дракона?

— Особенно в нем.

Я сняла перчатки. На запястье еще светилась брачная линия, тонкая и красная.

— Зачем вы говорите мне это сейчас?

Он посмотрел на мою руку, затем снова на лицо.

— Чтобы между нами не было ошибки.

Сердце ударило глухо. Я уже знала, что услышу, но все равно не была готова.

— Вы моя жена по закону, Ясения, — произнес Радомир. — Но не мать моих наследников. Не пытайтесь занять место Аурики. Не добивайтесь детской привязанности. Не вмешивайтесь в их воспитание без моего разрешения.

Каждое слово было спокойным.

И именно поэтому резало сильнее.

Я могла бы вспыхнуть. Спросить, зачем он вообще привел меня сюда. Напомнить, что мою кровь только что смешали с его кровью ради этих самых наследников. Сказать, что он не

имеет права делать из меня живую печать и одновременно запрещать мне видеть тех, ради кого печать создана.

Но я промолчала.

Не из слабости.

Я слишком хорошо знала цену словам, сказанным в первый день в чужом доме.

— Я поняла, князь.

Он едва заметно сжал челюсть.

— Радомир. Вы теперь носите мое имя.

— Имя не делает людей близкими.

На этот раз тишина между нами стала острее.

Он мог поставить меня на место. Напомнить, кто здесь хозяин. Приказать не дерзить.

Но только сказал:

— Верно.

И это «верно» почему-то оказалось опаснее грубости.

Радомир повернулся к двери.

— Отдохните. Завтра вам объяснят правила замка.

— А сегодня?

Он остановился.

— Сегодня лучше не выходить из покоев.

— Это просьба или приказ?

— Предупреждение.

Дверь закрылась за ним мягко. Без хлопка. Без злости.

Я осталась одна.

Только тогда позволила себе выдохнуть.

Камин горел ровно. На столике стоял ужин, кувшин воды, серебряная чаша с фруктами. На кровати лежала ночная сорочка из тонкого полотна. Сундуки с моими вещами уже внесли и раскрыли, словно чужие руки получили право разбирать мою прежнюю жизнь.

Я подошла к окну.

Внизу темнел двор. На башнях зажигались огни. Замок Веренских жил своей жизнью, древней и закрытой. Теперь я была внутри него, но это ничего не значило.

Жена по закону.

Не мать.

Не любимая.

Не нужная.

Я коснулась брачной линии на запястье. Она была горячей.

— Главное — выдержать, — сказала я себе тихо.

Это был старый совет. Материнский. Еще с тех времен, когда дом Острожских не пустовал, отец не прятал счета от кредиторов, а мое имя не стояло в договоре рядом с именем дракона.

Выдержать.

Спасти род.

Не просить лишнего.

Не ждать невозможного.

За дверью что-то тихо шуршало.

Я замерла.

Сначала подумала — служанка. Потом звук повторился. Ниже. У самого порога.

Шаг.

Еще один.

И вдруг — детский крик.

Короткий. Сдавленный. Такой, будто ребенку зажали рот почти сразу, но боль все равно успела вырваться наружу.

Я бросилась к двери.

На мгновение вспомнила предупреждение Радомира: сегодня лучше не выходить.

Потом услышала всхлип.

Тихий. Девичий.

Я распахнула дверь.

Коридор был пуст.

Факелы горели ровно, стены молчали, у дальнего поворота не было ни стражи, ни слуг. Но на темном каменном полу лежала тонкая дорожка пепла.

Она тянулась от моей двери в сторону детского крыла.

А среди пепла блестела маленькая красная бусина.

Такая могла оторваться от платья девочки.

Я подняла ее и сжала в ладони.

Брачная печать на запястье вспыхнула болью.

Где-то далеко в замке снова заплакал ребенок.

И я впервые нарушила приказ красного дракона.

# Глава 1. Чужая в красном замке

Пепел не должен был лежать у моей двери.

В замке красных драконов огонь держали под контролем лучше, чем людей. Здесь не могло случайно высыпаться из камина. Не могло надуть из коридора. Не могло остаться после обычной свечи.

Я стояла босиком на холодном камне и смотрела на тонкую серую дорожку, уходившую к повороту.

В ладони была зажата красная бусина.

За стенами замка ночь не шумела. Никакого ветра, дождя, скрипа деревьев. Только дальний гул огня в чашах и мое дыхание, слишком громкое для пустого коридора.

Где-то снова всхлипнули.

Я пошла на звук.

Не быстро. Бежать по чужому замку в первую брачную ночь было глупо. Особенно если муж только что велел не выходить из покоев. Особенно если этот муж — красный дракон, привыкший к приказам.

Но оставаться в комнате после детского крика было еще глупее.

Пепел тянулся вдоль стены, будто кто-то шел, опустив руку вниз, и с пальцев сыпался серый прах. На каждом шаге брачная печать на моем запястье отзывалась слабой болью. Не резкой. Предупреждающей.

Я дошла до поворота и остановилась.

Дальше коридор раздваивался. Слева лестница уходила вниз, к темному пролету. Справа виднелась высокая решетка с гербом Веренских — распахнутые драконьи крылья над пламенем.

За решеткой горел мягкий красный свет.

И там кто-то шептал.

— Молчи, Милада. Слышишь? Молчи.

Голос был детский, но в нем было столько злости и страха, что я сразу поняла: это Тихомир.

Я подошла ближе.

— Я не хотела вас пугать.

Шепот оборвался.

За решеткой шевельнулась тень. Потом из света вышел мальчик. Темные волосы растрепались, на вороте черной ночной рубахи блестела золотая застежка. Он стоял прямо, но босые ноги выдавали: выскочил из постели так же внезапно, как я из своих покоев.

За его плечом пряталась девочка.

Милада.

Она держалась за рукав брата и смотрела в пол. Волосы рассыпались по плечам, на подоле ночной сорочки темнело пятно. Не кровь. Пепел.

— Уходите, — сказал Тихомир.

Не «пожалуйста». Не «вам нельзя». Сразу приказ.

Я остановилась за шаг до решетки.

— Я услышала крик.

— Вам показалось.

— Нет.

Он поднял подбородок. Взгляд был тяжелый, взрослый. Неправильный для десяти лет.

— В этом доме вам лучше привыкнуть к тому, что иногда кажется.

Милада сжала его рукав сильнее.

Я перевела взгляд на ее руку. Девочка тут же спрятала ладонь за спину, но не успела. На тонком запястье я увидела темную полосу. Не просто грязь. Не случайный след. Ровное кольцо, будто кожа под браслетом была обожжена изнутри.

Я сделала вдох.

— Милада, у тебя болит рука?

Девочка вздрогнула.

Тихомир шагнул вперед так резко, что решетка звякнула.

— Не смейте с ней говорить.

— Я не собираюсь делать ей ничего плохого.

— Все так говорят.

Ответ был слишком быстрым. Значит, он не придумал его сейчас. Значит, слышал похожее раньше.

Я могла бы сказать, что я теперь жена их отца. Что имею право хотя бы спросить, почему ребенок плачет ночью. Но это право было пустым. Дети не выбирали этот брак. Их не спрашивали. Меня тоже, но моя обида сейчас не имела значения.

— Хорошо, — сказала я тише. — Я не подойду.

Тихомир недоверчиво смотрел на меня.

Я раскрыла ладонь. Красная бусина лежала на коже, маленькая, теплая, будто ее только что сняли с платья.

— Это ваше?

Милада медленно подняла глаза.

В них было столько страха, что я сразу убрала ладонь ниже, чтобы не вынуждать ее тянуться.

— Я оставлю здесь.

Я положила бусину на каменный выступ у решетки.

Милада смотрела на нее, но не двигалась.

— Вернитесь в покои, госпожа Веренская.

Голос Радомира раздался за моей спиной.

Я не обернулась сразу. Сначала посмотрела на детей. Тихомир изменился мгновенно: вытянулся, сжал губы, спрятал страх под злостью. Милада снова опустила голову.

Только после этого я повернулась.

Радомир стоял в нескольких шагах от меня. Без плаща, в темной рубахе, с распущенными у воротника завязками. Он выглядел так, будто тоже не спал. Или спал слишком мало, чтобы это можно было назвать отдыхом.

За его плечом замер начальник стражи. Высокий мужчина лет сорока с короткими русыми волосами и внимательным взглядом. На поясе у него не было меча, но я почему-то не сомневалась: если понадобится, он справится и без него.

— Я услышала крик, — сказала я.

— В замке много звуков.

— Детский крик не спутаешь с дверной петлей.

Начальник стражи едва заметно поднял бровь. Радомир не изменился в лице.

— Тихомир, уведи сестру.

— Отец...

— Сейчас.

Мальчик бросил на меня короткий взгляд. Ненависти там было меньше, чем отчаяния. Но он послушался. Взял Миладу за плечи и повел прочь.

Девочка прошла два шага, остановилась, обернулась к выступу и быстро схватила бусину. Потом исчезла за дверью.

Решетка осталась между мной и пустым красным светом.

— Витослав, — сказал Радомир, не глядя на стражника, — проверьте детское крыло. Без шума. И пришлите лекаря к Миладе.

— Будет исполнено, князь.

Значит, он тоже видел.

Я повернулась к Радомиру.

— На ее руке ожог.

— Я сказал: лекаря пришлют.

— Когда ожог появляется вокруг запястья ровным кольцом, это не обычная детская травма.

Его глаза потемнели.

— Вы провели в моем доме меньше часа.

— Достаточно, чтобы увидеть плачущего ребенка.

— И достаточно, чтобы нарушить мой запрет.

Я выпрямилась. Холод камня уже пробрался в ступни, но отступать не хотелось.

— Вы предупредили меня не выходить. Не объяснили почему.

— В моем доме предупреждений достаточно.

— Для слуг, возможно.

Тишина стала плотной.

Витослав не пошевелился, но я почувствовала, как он смотрит на нас обоих. Может быть, ждал, когда дракон поставит на место новую жену. Может быть, уже считал, сколько стражников понадобится, если я окажусь совсем неразумной.

Радомир подошел ближе. Не резко. От этого было только тяжелее стоять на месте.

— Вы еще не понимаете, где оказались, Ясения.

— Понимаю лучше, чем вам кажется. Здесь дети плачут за решеткой, а взрослые называют это звуками замка.

На его лице ничего не дрогнуло.

Но в глазах на миг вспыхнуло красное.

Не ярость. Сила.

— Осторожнее.

— Я была осторожной всю жизнь, князь. Именно поэтому сейчас стою здесь, а не делаю вид, что сплю.

Он смотрел на меня долго. Так смотрят не на жену, не на женщину, а на задачу, которая отказалась решаться привыч-

ным способом.

Потом сказал:

— Вернитесь в покои. Утром вы получите правила замка. На этот раз письменно.

— А дети?

— Мои дети под моей защитой.

— Тогда почему Милада боится говорить?

Впервые я попала точно.

Это было почти незаметно: едва изменилось дыхание, чуть сильнее сжались пальцы. Но я увидела.

Радомир медленно произнес:

— Сегодня вы задали достаточно вопросов.

— Нет. Просто вы больше не хотите отвечать.

Он сделал шаг в сторону, открывая мне дорогу назад.

— Спокойной ночи, госпожа Веренская.

Я могла бы продолжить. Сказать еще что-нибудь резкое, правильное, бесполезное. Но за решеткой больше не плакали. Витослав уже ушел проверять детское крыло. Лекаря обещали прислать.

Для первой ночи в чужом доме я и так перешла слишком много границ.

Я подняла подол, чтобы не наступить на пепел, и пошла к своим покоям.

Радомир не проводил меня.

Но я знала: он смотрит мне вслед.

Утро началось не с солнечного света, а со стука в дверь.

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Слишком высокий потолок. Чужой полог над кроватью. Каменный камин, в котором огонь горел ровно, будто его не касалась ночь.

Потом вспомнила все.

Зал Первого Пламени. Радомир. Дети за решеткой. Пепел.

— Госпожа Веренская? — осторожно позвали из-за двери. — Я могу войти?

Голос был женский. Не молодой, но и не старый. Спокойный.

— Войдите.

Дверь открылась, и в комнату вошла женщина в простом темно-сером платье. Каштановые волосы убраны под гладкий чепец, на лице ни подобострастия, ни любопытства. В руках — поднос с чашкой, маленьким кувшином и сложенным письмом.

Она поставила поднос на столик и поклонилась.

— Радана Плескова. Меня назначили к вам.

Назначили.

В этом замке даже людей подавали как часть порядка.

— Вы моя служанка?

— Если вам так удобнее это назвать.

Я села. Брачная печать на запястье больше не светилась, но кожа вокруг была чувствительной, как после ожога.

— А если не удобнее?

Радана посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Тогда я человек, который знает, где в этом доме чистое белье, кто из поваров пересаливает кашу и по какой лестнице лучше не ходить после полуночи.

Я невольно усмехнулась.

— Последнее особенно полезно.

— После сегодняшней ночи — да.

Значит, уже знают.

— В замке быстро расходятся слухи?

— В замке быстро расходятся шаги, госпожа. Слухи просто не отстают.

Радана сказала это ровно, без улыбки, но мне впервые за утро стало немного легче.

Она подала мне чашку.

— Настой. После брачной печати обычно болит голова.

— Обычно?

— Я не присутствовала на таком браке, но старшие женщины говорят, что бывает.

— А старшие женщины говорят, что делать, если огонь в чаше поднимается до свода?

Радана выдержала паузу.

— Старшие женщины сегодня молчат.

Вот это было честно.

Я взяла чашку. Настой пах горькими травами и медом.

— Князь велел передать правила?

Радана кивнула на сложенный лист.

— Да. И еще распорядок дня.

— Как любезно.

— Любезность тут ни при чем.

Я развернула письмо.

Почерк был ровным, жестким, без украшений. Радомир писал так же, как говорил: ничего лишнего.

Мне запрещалось входить в детское крыло без разрешения князя или начальника стражи. Запрещалось посещать восточную башню. Запрещалось обращаться к детям с вопросами о гибели их матери. Запрещалось входить в архив без сопровождения. Запрещалось отдавать распоряжения стражникам. Запрещалось покидать замок без уведомления.

В конце стояла сухая строка:

«Все ограничения введены ради вашей безопасности и безопасности наследников».

Я перечитала ее дважды.

— Меня сделали княгиней или пленницей?

Радана не отвела глаз.

— В этом доме иногда не видят разницы.

Хороший ответ. Опасный.

— Вам не стоит так говорить.

— Я сказала это не для стен.

Она подошла к шкафу и раскрыла створки. Внутри уже висели мои платья, аккуратно разобранные чужими руками.

— Сегодня вам следует надеть что-нибудь спокойное. Не свадебное. Не траурное. И лучше без открытых рукавов.

— Почему?

— На вашу печать будут смотреть.

Я опустила взгляд на запястье.

Да. Будут.

Брак с Радомиром был не только договором. Теперь на моей коже лежал знак, который в замке считали доступом к власти, детям, наследству, памяти первой жены. Я не хотела ничего из этого. Но люди редко спрашивают, чего ты хочешь, прежде чем решить, в чем ты виновата.

— Серое платье, — сказала я.

Радана достала из сундука платье цвета утреннего камня. Простое, закрытое, с узким поясом.

— Мудро.

— Незаметно.

— Это разные вещи.

Пока она помогала мне одеться, я спросила:

— Что было ночью с Миладой?

Радана затянула шнуровку чуть медленнее.

— Мне не положено это знать.

— Но вы знаете.

— В замке трудно не знать, когда в детском крыле вызывают лекаря.

— И?

— Княжна испугалась. Так сказали утром.

— Кого?

— Этого уже не сказали.

Я повернулась к ней.

— Радана.

Она спокойно поправила ворот платья.

— Если вы хотите выжить здесь, госпожа, вам придется отличать молчание от отказа. Сейчас я молчу не потому, что не хочу вам помочь.

— А потому что?

— Потому что у каждой двери есть уши. Не все человеческие.

После этих слов я уже не стала задавать вопросы в комнате.

На завтрак меня проводили не в общий зал, а в малую столовую. Это тоже было ответом. Вчера я стала женой князя. Сегодня мне показали, что место за главным столом еще нужно заслужить. Или его вообще не собирались мне давать.

За длинным столом уже сидела Клариса Рогнедина.

Она была одета в светло-золотое платье, идеально подходящее к красному камню стен и утреннему огню в чашах. Волосы уложены так аккуратно, будто ночь не касалась ее. Перед ней стояла чашка, рядом лежала раскрытая книга.

Увидев меня, она поднялась.

— Госпожа Веренская. Надеюсь, вы отдохнули.

Слишком правильное обращение. Слишком мягкий голос.

— Благодарю. Достаточно.

— После первой ночи в новом доме этого мало, но лучше,

чем ничего.

Я села напротив. Радана осталась у стены.

Клариса заметила это и чуть улыбнулась.

— Радана надежна. Если она к вам приставлена, князь проявил заботу.

— Я уже успела оценить.

— Радана знает, когда молчать. Для этого дома качество редкое и полезное.

Слова были обращены ко мне, не к служанке.

Я взяла чашку.

— Вы хотели поговорить?

— Скорее помочь. Вам нужно быстро понять порядок замка, иначе вы сами поставите себя в неловкое положение.

— Неловкое для кого?

Клариса аккуратно закрыла книгу.

— Для всех. Но прежде всего для наследников.

Имя детей она произнесла так, будто у нее было на них больше права, чем у меня. Возможно, так и было. Она знала их дольше. Была родственницей их матери. Жила в этом доме не первый день.

Я была чужой женщиной с брачной печатью на руке.

— Я не собираюсь тревожить детей, — сказала я.

— Это разумно.

— Но если ребенок кричит ночью, я не буду делать вид, что не слышу.

Клариса не изменилась в лице. Только пальцы на обложке

книги легли плотнее.

— Милада впечатлительна. После гибели матери она плохо переносит незнакомых людей.

— Она кричала до того, как увидела меня.

— Вы уверены?

— Да.

— Странно. Дети иногда слышат новое присутствие в доме раньше взрослых.

Красивая фраза. Почти невинная. Только смысл был ядовитым: я пришла, и ребенку стало хуже.

Я поставила чашку.

— Если мое присутствие так опасно, зачем ваш совет поддержал этот брак?

— Не мой совет. Совет князя.

— Вы не входите в него?

Она улыбнулась.

— Женщин редко впускают туда, где мужчины уверены, что решают судьбы. Но иногда мы слышим достаточно, чтобы понимать больше.

— Тогда вы понимаете, почему я здесь.

— Конечно. Вы нужны печати.

Прямо. Без улыбки стало бы честнее, но Клариса улыбалась.

— А детям, — продолжила она, — нужна тишина. Постоянство. Люди, к которым они привыкли. Им нельзя снова пережить замену.

— Я никого не заменяю.

— Надеюсь.

Это «надеюсь» было сказано мягко, но прозвучало как предупреждение.

Дверь открылась, и в столовую вошел Витослав Ярец. Он поклонился Кларисе, потом мне.

— Госпожа Веренская, князь просил передать: после завтрака вам покажут разрешенные части замка.

Разрешенные.

Я поднялась.

— Он сам не придет?

— Князь на совете.

Клариса тоже поднялась.

— Я могу проводить госпожу. Мне хорошо известны правила дома.

Витослав посмотрел на нее.

— Князь поручил сопровождение мне.

— Как скажете, — легко согласилась она. — Тогда до встречи, госпожа Веренская. И прошу вас: если увидите наследников, не принимайте их холодность на свой счет. Они защищают память матери.

Я встретила ее взгляд.

— Память матери не нуждается в том, чтобы ею прикрывали чужую неприязнь.

В столовой стало тихо.

Клариса улыбнулась чуть шире.

— Вы смелы.

— Нет. Просто я хорошо слышу подтекст.

Витослав кашлянул в кулак.

Радана у стены смотрела в пол, но я готова была поклясться: она прячет улыбку.

Мы вышли из малой столовой в длинную галерею. Здесь было светлее, чем ночью. Узкие окна пропускали утреннее солнце, и красный камень казался не мрачным, а теплым. На стенах висели портреты Веренских: мужчины и женщины с темными глазами, строгими лицами и знаком огня на одежде.

— Это главная галерея, — сказал Витослав. — Дальше зал приемов, библиотека, малая часовня, зимний сад. Вам можно бывать там свободно.

— Щедро.

Он посмотрел на меня краем глаза.

— Князь осторожен.

— Со мной?

— Со всем, что касается наследников.

— Значит, со мной.

Витослав не стал спорить.

Мне понравилось, что он не притворялся.

Мы прошли мимо ниши с доспехами. На темном металле были выбиты драконьи чешуйки. Я задержала взгляд.

— Это настоящая броня?

— Да.

— Против кого воюют красные драконы?

— Против тех, кто забывает, что они красные драконы.

Сухо. Почти с юмором.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы собеседник понял меньше, чем спросил?

— В замке Веренских это считается воспитанием.

Я впервые за день почти улыбнулась.

Мы свернули к библиотеке, когда впереди послышались детские голоса. Один резкий. Второй тихий, почти неслышный.

Витослав остановился.

Я тоже.

Из бокового прохода вышел Тихомир.

Теперь он был одет как наследник: черный камзол, красная вышивка у ворота, пояс с маленькой серебряной пряжкой. Лицо собранное, взгляд настороженный. Рядом шла Милада в темно-алом платье. В руке она держала маленькую деревянную птицу.

Увидев меня, мальчик сразу встал перед сестрой.

Не демонстративно. Привычно.

— Госпожа Веренская осматривает замок, — сказал Витослав. — Вам следует идти к наставнику, княжич.

— Мы идем.

Но он не двигался.

Милада выглянула из-за его плеча. На мгновение наши взгляды встретились. Она тут же опустила глаза, но деревян-

ную птицу прижала к себе сильнее.

— Доброе утро, — сказала я.

Тихомир молчал.

Витослав чуть повернул голову к нему. Этого хватило.

— Доброе утро, — выговорил мальчик.

Не мне. Обязанности.

— Милада, — мягко напомнил Витослав.

Девочка беззвучно шевельнула губами. Слова не получилось.

— Ей необязательно, — сказала я.

Тихомир посмотрел на меня с подозрением.

— Что необязательно?

— Здороваться, если не хочет.

— В этом доме дети обязаны быть вежливыми.

— Вежливость без голоса тоже бывает.

Он нахмурился. Кажется, не понял, ловушка это или нет.

Я не стала подходить. Не протянула руку. Не улыбнулась слишком широко. Дети хорошо чувствуют фальшь, особенно те, кого взрослые уже подвели.

Милада вдруг уронила деревянную птицу.

Игрушка ударилась о камень и покатилась к моим ногам.

Я наклонилась, подняла ее и замерла.

Птица была вырезана грубо, но узнаваемо: не голубь, не сокол. Ворон. Крылья распахнуты, клюв острый. На спине — тонкая черная линия, будто кто-то провел углем.

Я посмотрела на Миладу.

— Твоя?

Девочка кивнула.

Я подошла на один шаг. Тихомир напрягся.

— Я положу на пол, хорошо? Ты сама возьмешь.

Милада снова кивнула.

Я опустилась на корточки, положила птицу перед ней и только тогда заметила ее правую руку.

Рукав платья чуть съехал.

На запястье был браслет. Тонкий, золотой, с маленькими красными камнями. Красивый. Слишком тяжелый для детской руки. И под ним, у края, темнела та самая полоса, которую я видела ночью.

Но сейчас я рассмотрела больше.

Это был не ожог.

Вернее, не только ожог.

Кожа вокруг браслета была повреждена ровными мелкими знаками. Они прятались в покраснении, но я узнала форму. Сдерживающая вязь. Очень старая. Не детская защита. Не украшение.

Подавление.

Пальцы у меня похолодели.

— Милада, браслет больно носить?

Девочка вся сжалась.

Тихомир резко дернул сестру к себе.

— Не трогайте ее!

— Я не трогаю.

— Вы смотрите!

— Потому что у нее повреждена кожа.

— Это не ваше дело.

— Если ребенку больно, это дело любого взрослого рядом.

Он побледнел от злости.

— Вы не взрослая рядом. Вы новая жена отца. Это не значит, что вы нам кто-то.

Витослав шагнул вперед.

— Княжич.

— Она не наша мать! — выкрикнул Тихомир. — И не будет!

В галерее стало очень тихо.

Милада прижала деревянную птицу к груди. Ее губы задрожали, но она не заплакала. Только смотрела на брата, будто боялась, что ему сейчас станет хуже, чем ей.

Я поднялась.

Каждое слово мальчика попало туда, где и так было больно. Но он был ребенком. Ребенком, который защищался всем, что имел.

— Я знаю, — сказала я.

Тихомир моргнул.

Он ждал оправданий. Обиды. Попытки понравиться. Приказа замолчать.

Я ничего этого не дала.

— Я не ваша мать, Тихомир. И не пришла занимать ее

место.

— Тогда зачем вы пришли?

Вот теперь вопрос был настоящим.

Я могла бы сказать: меня выдали. Меня вынудили. Вашему отцу нужна моя кровь. Но дети не обязаны нести правду взрослых сделок.

— Потому что ваш дом позвал мой род на помощь, — ответила я.

— Мы вас не звали.

— Знаю.

Он сжал кулаки.

— Тогда уходите.

Витослав снова вмешался:

— Довольно.

Я подняла руку, останавливая его.

— Нет. Он имеет право так думать.

— Я не думаю. Я говорю.

— Тем более.

Тихомир смотрел на меня с таким напряжением, будто любое мое движение могло стать нападением.

Я отступила на шаг.

— Я не буду заставлять вас говорить со мной. Но если браслет Милады причиняет ей боль, это нужно показать лекарю.

— Лекарь знает.

— Тогда пусть посмотрит еще раз.

— Вы ничего здесь не решаете.

Это было сказано не как оскорбление, а как факт, который мальчик выучил у взрослых.

Я посмотрела на него спокойно.

— Возможно.

Милада вдруг тихо всхлипнула.

Не от боли. От страха перед тем, что разговор зашел слишком далеко.

Тихомир сразу обернулся к ней.

— Пойдем.

Он взял сестру за руку и повел мимо меня. Милада прошла рядом, почти не дыша. Когда она поравнялась со мной, брачная печать на моем запястье снова кольнула болью.

Ее браслет ответил слабым красным отблеском.

На миг.

Но я увидела.

И Витослав, кажется, тоже.

Дети ушли по галерее. Маленькая деревянная птица исчезла в ладонях Милады.

Я повернулась к начальнику стражи.

— Кто дал ей браслет?

— Это вопрос к лекарю.

— Нет. Это вопрос к тому, кто решил, что ребенку нужно носить на руке подавляющую вязь.

Он смотрел на меня без враждебности, но очень внимательно.

— Вы уверены в своих словах?

— Я выросла среди печатей, Витослав Ярец. Если я говорю «вязь», значит, это не царапина.

— Тогда вам лучше поговорить с князем.

— Он на совете.

— Значит, сначала с лекарем.

Лекарь нашелся не сразу.

Его покои располагались рядом с малой лечебницей, в крыле, где пахло травами, уксусом и горячим металлом. На полках стояли склянки, сухие пучки растений, чаши с мазями. У окна сидел невысокий мужчина с серебром в темных волосах и усталым лицом.

Он поднялся, когда мы вошли.

— Госпожа Веренская.

— Вы лекарь наследников?

— Савва Яровой. Служу дому Веренских шестнадцать лет.

— Тогда вы знаете, что у Милады повреждена кожа под браслетом.

Он посмотрел на Витослава.

— Я осматривал княжну утром.

— И?

— Легкое раздражение от металла. Детская кожа чувствительна.

Я медленно вдохнула.

— Это не раздражение.

Савва Яровой сложил руки перед собой.

— Простите, госпожа, но вы видели руку княжны несколько мгновений в коридоре.

— Достаточно, чтобы узнать сдерживающую вязь.

Тишина.

Слишком быстрая. Слишком полная.

Лекарь отвел взгляд первым.

— Такие выводы не стоит произносить без проверки.

— Проверьте.

— Я не могу снимать родовые украшения наследников без распоряжения князя.

— Украшение причиняет ей боль.

— Оно защищает ее.

— От чего?

Он сжал губы.

Витослав стоял у двери и не вмешивался. Но дверь он закрыл. Значит, разговор все-таки был не для коридора.

Я подошла к столу лекаря. На нем лежали записи, чистые бинты, маленький нож для трав. Все аккуратно. Человек, привыкший к порядку.

— Савва Яровой, я не пытаюсь спорить с вами из упрямства. Я знаю печати Острожских. Брачная чаша вчера приняла мою кровь именно потому, что защита детей повреждена. Если на руке Милады подавляющая вязь, ее пламя не лечат. Его давят.

Лекарь устало потер переносицу.

— Вы приехали вчера.

— А вы служите здесь шестнадцать лет. Значит, понимаете, когда вам задают правильный вопрос.

Он резко поднял на меня глаза.

В них не было злости.

Был страх.

— В этом доме правильные вопросы иногда вредят детям сильнее, чем молчание.

— Молчание уже им вредит.

— Вы не знаете, что было после смерти княгини Аурики.

— Так расскажите.

Он посмотрел на Витослава.

Начальник стражи ответил тихо:

— Я не слышал вопроса.

Савва усмехнулся без радости.

— Удобно.

— Редко, — сказал Витослав. — Но сейчас да.

Лекарь подошел к шкафу, достал маленькую банку с мазью, потом зачем-то поставил ее обратно. Его руки двигались слишком точно. Так люди удерживают себя от лишних слов.

— После гибели матери у княжны начались приступы страха, — сказал он наконец. — Пламя отвечало на любой резкий звук. На чужой голос. На открытый огонь. Она могла проснуться и поджечь занавески, волосы, собственную постель. Браслет снизил всплески.

— Кто его принес?

— Из сокровищницы.

— Кто распорядился?

— Совет.

— Князь знал?

Савва замолчал.

Ответ был ясен: либо знал не все, либо ему сказали не так.

— Князь многое решал в первые недели после смерти жены, — осторожно произнес лекарь. — Не все распоряжения проходили через него лично.

— Через кого?

— Госпожа Веренская...

— Через кого?

Савва посмотрел мне прямо в глаза.

— Через старшего советника Лавра Рогнедина.

Имя легло между нами тяжело.

Я запомнила его еще ночью. Вернее, запомнила не имя, а лицо мужчины в зале. Благородная осанка. Седина у висков. Спокойный взгляд человека, которому в этом доме разрешено слишком многое.

— Я хочу увидеть записи осмотров Милады, — сказала я.

— Это невозможно без разрешения князя.

— Тогда я попрошу разрешение.

— Попросите. Только сначала подумайте, как именно зададите вопрос.

— Почему?

Савва побледнел.

Он подошел ближе. Не угрожающе. Почти умоляюще.

— Потому что при детях нельзя произносить некоторые слова.

— Какие?

Он посмотрел на закрытую дверь, потом на мое запястье, где под рукавом скрывалась брачная печать.

— Особенно одно.

Я уже знала.

Пепел.

Но все равно спросила:

— Почему?

Лекарь ответил не сразу.

Когда заговорил, голос стал тише.

— Потому что в ночь гибели княгини Аурики Милада кричала это слово до рассвета. Потом замолчала. Совсем.

У меня по коже прошел холод.

— Что она видела?

Савва Яровой закрыл глаза на короткое мгновение.

— Никто не знает. А те, кто думает, что знает, предпочитают молчать.

— Вы тоже?

Он открыл глаза.

— Я прошу вас только об одном, госпожа. Если вам дороги наследники, не произносите при них слово «пепел».

Я вспомнила серую дорожку у своей двери.

Красную бусину.

Темную полосу на руке девочки.

И поняла: в этом доме боялись не моего появления.

В этом доме боялись, что я начну замечать то, что давно приказали не видеть.

# Глава 2. Наследники не просят помощи

К Радомиру меня провели не сразу.

Сначала Витослав долго шел рядом молча, будто у нас впереди был обычный обход замка, а не разговор о ребенке с подавляющей вязью на запястье. Мы миновали лечебницу, узкую галерею с окнами во внутренний двор, лестницу, где на каждой третьей ступени был выбит знак Веренских. Я заметила это не сразу. Потом сбилась со счета и поняла: знаки расставлены не для красоты.

Они держали пространство.

Замок был не просто домом. Он был огромной печатью, сложенной из камня, крови, огня и приказов.

— Вы ведете меня к князю? — спросила я.

— Да.

— Почему так д

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.